

Н. А. Трофимова

Санкт-Петербург, Россия

НЕМЕЦКИЕ ФИЛОНИМЫ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ

В статье рассматриваются немецкие филонимы – вокативы, функционирующие в общении влюбленных. Создание филонимов основано на явлении семантической деривации, в первую очередь на метафорическом переносе, и имеет большой спектр прагматических возможностей. Наиболее популярные немецкие филонимы представляют собой зоометафоры, названия сладостей, эротически привлекательных частей тела, имена сказочных героев и др. Некоторые из них универсальны и встречаются практически во всех европейских культурах, другие культурно специфичны благодаря словообразовательным возможностям немецкого языка.

Ключевые слова: ласкательные имена; филонимы; метафора; зоометафора; любовный дискурс; общение влюбленных; диминутивы.

N. A. Trofimova

Saint Petersburg, Russia

GERMAN PHILONIMES: UNIVERSALITY, ERSALITY AND CULTURAL SPECIFICITY

The paper examines a group of German lexemes that act as philonyms – love names in lover’s communication. The creating of new philonyms for a partner is based on semantic derivation, namely on associative connection between color, form, taste and has the widest range of pragmatic possibilities. The most philonymic metaphors are the zoometaphors, but they are also names of sweets, of erotically attractive body parts, of mythological heroes etc. Some of them are universal for lovers from different cultures, but others are very special German because of the word-formation possibilities of German.

Key words: *pet names; philonyms; metaphor; zoometaphor; love discourse; lover’s communication; diminutives.*

Интимное общение партнеров основано на их близких отношениях, выражении трепетных чувств друг к другу, имеющих высокую степень синтонности и эмоциональности, достижение которой предполагает использование интимизированных вербальных знаков, которые Р. Барт гениально назвал «словами вместо пальцев» [1, с. 200]: они столь же ощутимо «прикасаются» к партнеру, передавая ему тепло и ласку.

Одним из наиболее важных признаков интимного общения является признание необыкновенной ценности объекта любви, его аксиологической ядерности. Она приводит к необходимости подбора уникальных номинаций партнера, подчеркивающих его выделенность, выражающих ласку и сексуальную притягательность. Вслед за М. Эпштейном [2], мы называем такие номинации филонимами (*греч. philia* ‘любовь’ + *onima* ‘имя’), в любовном дискурсе они функционируют как речевые афродизиаки: влюбленные наркотизируют себя, повторяя их как мантру любви, как заклинание.

Филонимы представляют собой лексические единицы, выражающие в своей семантике положительное оценочное отношение к партнеру, которому приписывают определенные добродетели, внешние и внутренние, их примерами могут служить слова *Schatz / Schätzchen, Liebling, Herz* ‘сокровище, любимый / любимая, сердце’, используемые в ситуации интимного общения. Такое индивидуальное название любимого человека имеет древнюю традицию и подчеркивает особенности адресата, его непохожесть на всех остальных, выражает ласку, степень доверия к адресату. Э. Лайзи связывает значение специфического названия партнера при близких отношениях с традиционными представлениями о «магии имен», в соответствии с которой «человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» и составляет существенную и необходимую часть человеческой личности [3, S. 27]. Выражая свои нежные чувства, коммуниканты при создании новых филонимов проявляют блестящие

творческие способности; используя метафору Э. Лайзи, можно утверждать, что речь влюбленных просто «кишит» метафорами, уменьшительно-ласкательными словами и формами: *Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen!* 'Ах, ты мой маленький невинный ягненок!'. В риторике влюбленных эти слова звучат как музыка сфер. М. Шнайдер называет их афродизиаками: влюбленные все время повторяют подобные слова, наслаждаясь их звучанием, они наркотизируют себя таким образом [4, S. 140]. Взаимное «переименование» всегда индивидуально, филоним не имеет порой общепринятого лексического значения, но это не мешает ему выполнять свою главную функцию – поднять близкого человека над повседневностью. Важность этой группы лексических единиц обусловила актуальность настоящей статьи, имеющей целью обратить лингвистический взгляд на уникальную семантику филонимов, а именно: определить деривационные (семантические и словообразовательные) потенциалы ласкательных семем, используемых носителями немецкого языка, обосновать ценностные предпочтения социума в интимной сфере общения.

Семантическая деривация. Разнообразные лексико-семантические варианты филонимов связаны между собой отношениями семантической деривации, к которой принято относить довольно широкий круг преобразований, самым частым и традиционным из которых является перенос наименования – метафора и метонимия. На основе такого переноса рождаются корневые филонимы, которые по своей семантике могут быть разделены на следующие группы обозначений:

1) слова-фаунонимы, представляющие собой зоосемантические метафоры, в которых подчеркивается устанавливаемая эмпирическим путем общность поведения, внешних признаков, ощущений от восприятия двух объектов. Так, для метафоры *Maus* 'мышь', употребленной по отношению к женщине, аспектом сравнения являются внешние качества: ей приписывают признак небольшого размера, проворности. Тем самым одновременно познается сущность человека, создается его образ и порождается новый смысл: филоним *Maus* приобретает формальное значение 'маленькое безобидное существо, нуждающееся в защите и заботе'. Метафорический филоним *Hase* 'заяц' основывается на признаке 'мягкий, пушистый', возможно, не последнюю роль играет признак 'половоактивный'. *Tertium comparationis* при ласкательном употреблении слова *Tiger* 'тигр' является сила и дикий нрав, слова *Biene* 'пчела' – трудолюбие, слова *Katze* 'кошка' – изящность;

2) имена, в основе которых находится метонимический перенос названия эротически привлекательных частей тела, как *Muschel* 'ракушка', часто скрывающихся за диминутивными эвфемизмами: *Öffchen* 'печка', *Luftballönl* 'воздушный шарик', *Pfläumchen* 'сливка'. Эротика, являющаяся вершиной в отношениях пары, обладает огромной продуктивностью при создании специфических терминов соблазна, поэтому эротический лексикон влюбленной пары может быть очень богат;

3) слова-названия сладостей: *Honig* ‘мед’ и др. Причина появления таких «сладких» филонимов очевидна: сладкое – источник гормона счастья, влюбленные рассматривают друг друга как сладкий десерт и вербализуют в ласкательных именах надежду на обоюдное удовольствие. Кондитерские пристрастия не всегда уточняются, все многообразие возможного «сладенького» обобщается в филонимах *Süße / Süßer* ‘сладкая / сладкий’ или просто *Leckerchen* ‘вкуснятинка’;

4) слова-имена мифологических героев, библейских и сказочных существ (*Aphrodite* ‘Афродита’, *Amor* ‘Амур’, *Venus* ‘Венера’; *Engel* ‘ангел’, *Fee* ‘фея’ и др.). Филонимы этой группы обозначают вымышленных героев, которые наделяются определенными качествами. Так, имя *Aphrodite* ассоциируется у каждого с представлением о необыкновенной красоте, *Amazonen* ‘Амазонка’ – с представлением о независимости и т. д. Естественно, что для филонимических номинаций выбираются герои, которые ассоциируются с однозначно положительной оценкой в сознании носителей языка. Налицо надделение друг друга сверхчеловеческими качествами, способностью сделать жизнь светлее, внести в нее элемент мечты, сказочности;

5) слова-названия небесных светил: *Stern* ‘звезда’, *Sonne* ‘солнце’. Возлюбленный / возлюбленная рассматривается как центр Вселенной, как путеводная звезда, освещающая путь;

6) слова-названия драгоценных камней и металлов, обозначения сокровища в целом: *Schatz* ‘сокровище’, *Juwel* ‘драгоценность’. Называние любимого человека сокровищем поднимает его на невидимый пьедестал, бессознательно превращает его в объект слепого поклонения. В использовании этой метафоры, особенно в сочетании с притяжательным местоимением, проявляется стремление владеть любимым человеком, как владеют сокровищами. Неудивительно, что филоним *Schatz* является самым распространенным среди возможных в языке немецкоговорящих влюбленных;

7) слова-названия растений. Цветочная метафора в качестве филонима (от гиперонима *Blume* ‘цветок’ до самых разнообразных гипонимов: *Kirschblüte* ‘вишневый цвет’, *Maiglöckchen* ‘ландыш’, *Kaktusblümchen* ‘цветок кактуса’, *Rose* ‘роза’) адресована, безусловно, женщине: цветы являются олицетворением радости, нежности, изящества.

Названные и некоторые другие группы филонимических метафор являются культурно универсальными и встречаются в том или ином виде во всех европейских культурах, национальные картины мира которых в целом совпадают. В следующей части статьи речь пойдет о культурной специфике филонимов, связанной, в первую очередь, с большими словообразовательными потенциями немецкого языка.

Словообразование. Перенос наименования с предмета или животного на обозначения человека является, безусловно, эффективным способом характеристики последнего, но часто оказывается недостаточным для выражения интимного положительного отношения к субъекту оценки. В таких случаях эмоциональное воздействие метафоры усиливается посред-

ством прибавления к ней еще одной положительно заряженной семы, создающей новый филоним (*Herzschnuppe* ‘сердце + комета’, *Mondscheinengel* ‘лунный свет + ангел’ и т. п.), и уменьшительно-ласкательных суффиксов *-chen, -lein, -i, -le / -li, -che / chi, -erl*, вносящих в семантическую структуру слова эмоциональную оценку положительного свойства: *Mausi* ‘мышка’, *Tigerchen* ‘тигренок’, *Katerle* ‘котенок’, *Hasilein* ‘зайчик’. Важно подчеркнуть, что наличие диминутивного суффикса не ограничивает семантику филонима «уменьшением» размера партнера, эта функция нейтрализуется при использовании зоометафор от наименований животных, имеющих априори небольшой размер (*Mausi, Hasilein*). Диминутивные суффиксы в таких словах реализуют, скорее, свое второе, ласкательное, значение, выражают симпатию. Очевидна специфическая прагматичность филонимов с диминутивными суффиксами, включение адресата в личную сферу говорящего [5, с. 146].

Необыкновенно разнообразны словообразовательные модели сложных филонимов, которые, как правило, являются определительными композициями. Каждая из вышеназванных семантических групп филонимов имеет специфический перечень детерминирующих компонентов. Например, для зоометафор характерны в качестве определяющих **отглагольные** морфемы *Bumse-* ‘заниматься любовью’, *Schmuse-* ‘ласкаться’, *Knutsch-* ‘обниматься’, отсылающих наше восприятие к действиям влюбленных в ситуациях интимного общения: *Schmusekater* ‘кот-ласкун’, *Knutschibär* ‘медведь, который любит обниматься’. Часто подобные элементы становятся частью зооморфизмов, обозначающих крупных животных, и адресуются мужчине, за ними, как правило, скрывается глубинное семантическое согласование характеристики человека и определенных особенностей животного: большой и сильный. Но в интимном общении это согласование трансформируется под воздействием «оптического и хроматического сдвига» в мировосприятии [6, с. 51]: словообразовательная операция одновременно меняет характер референта, превращает мужчину, большого и сильного во внешнем мире (*Bär* ‘медведь’, *Tiger* ‘тигр’), способного постоять за себя в жизни, в плюшевую игрушку, абсолютно укрощенного, усмирленного любимой женщиной «ласкового и нежного зверя» (*Kosebärchen* ‘мишка-ласкуша’).

Отыменные морфемы выполняют функцию индивидуальной характеристики партнера: *Chaosbär* ‘беспорядочный мишка’, *Bussibärchen* ‘ласковый мишка, любящий поцелуи’, *Flauschbärchi* ‘мягкий мишка’ и др. При названии партнера именем небольших малопривычных животных или насекомых детерминирующим элементом часто становится «приятный» отыменной компонент *Zucker-* ‘сахар’, *Gold-* ‘счастье’, «улучшающий» общее значение слова до наивысшей степени: *Goldkäferchen* ‘золотой жучок’, *Honiglaus* ‘медовая вошь’, *Honigmaus* ‘медовая мышь’ и др.

Среди фаунонимов-композит встречаются специфические филонимы, в основе которых лежит метонимический перенос *pars pro toto*, – лексемы, называющие часть животного – его лапку, хвост, ухо или даже зуб:

Hasenpfötchen ‘заячья лапка’, *Hasenöhrchen* ‘заячье ушко’, *Hasen-/Mausezähnen* ‘заячий / мышинный зубик’ и др. Трудно найти рациональное объяснение такому необычному выбору лексемы для называния любимого человека (как правило, женщины). Такого типа милые филонимы не имеют ничего общего со страстным эросом, в них проявляется исполненная нежности филия в сочетании с любовью-игрой людусом [7, р. 393]. Влюбленный мужчина рассматривает свою избранницу как объект защиты и заботы, маленькое беспомощное существо, вызывающее бесконечное умиление, при обращении к которому требуется крайняя диминутивность.

Наблюдения показывают, что при создании сложных филонимов проявляется весь творческий потенциал пользователей языка. Все вышеназванные семантические группы корневых филонимов легко «скрещиваются» между собой, образуя новые лексические единицы индивидуального использования, своего рода авторские неологизмы. Наиболее популярными определяющими компонентами в таких новообразованиях являются лексемы *Glücks-* ‘счастье’, *Herz-* ‘сердце / сердечный’, *Engels-* ‘ангел / ангельский’, *Gold-* ‘золото / золотой’, *Honig-* ‘мед / медовый’, *Liebes-* ‘любимый’. Они сочетаются с элементами из разных семантических групп, называющих части тела (*Engelshaar* ‘ангельский волос’, *Engelsauge* ‘ангельский глаз’, *Honigmäulchen* ‘медовый ротик’), обыденные предметы объективной реальности (*Goldstück* ‘золотой слиток’, *Goldfederchen* ‘золотое перышко’), названия кондитерских изделий (*Glückskekschen* ‘счастливая печенюшка’, *Honigkuchen* ‘медовый пирог’), названия животных (*Goldspatz* ‘золотой воробей’, *Engelmaus* ‘ангельская мышь’) и др. «Эмоциональный паводок», захлестывающий влюбленных, приводит к значительному увеличению эмоционально-оценочной «плотности» филонимов [8, с. 150]. Речь идет о некой конвергенции эмоционально-оценочных элементов в рамках одной лексической единицы, дублирующих друг друга, интенсифицирующих содержание филонима (*Herzgoldkirsche* ‘сердце + золото + вишня’, *Goldplätzelperlchen* ‘золото + печенюшка + жемчужинка’, что говорит о недостаточной «заряженности» любого элемента для адекватного выражения сиюминутной эмоции.

Отдельно следует сказать несколько слов о непостижимой для восприятия внешнего наблюдателя группе филонимов на основе слова, использующегося в «нормальной» жизни для стилистически маркированного (грубого) обозначения громких выделений газа кишечника: *Pup(s)* ‘пук’ с вариациями *Pupsi*, *Püpschen*, *Hasenpfurz / -pups* ‘заячий пук’. Первоначально эта лексема использовалась как филоним только по отношению к грудным детям, неспособным сознательно регулировать собственную физиологию. Далее произошел, очевидно, метонимический перенос – с действия, непроизвольно совершаемого младенцем, на самого младенца. На основе этого переноса возникла прочная когнитивная связь между словом и образом крепкого, пухлого розовощекого малыша (в этом значении слово было заимствовано русским языком, ср.: *пупс* (*пупсик*, *пупсенок*) – *кукла в виде*

маленького голого ребенка). Далее уже на основе этого нового значения происходит следующий этап в развитии семантики филонима *Pups* – метафорическое название любимого человека, представляемого существом, нуждающимся в заботе. В использовании такого странного варианта ласкательного имени в очередной раз проявляется факт «слепоты» любви: мозг влюбленного человека теряет способность к критическому анализу окружающей действительности. Он буквально все видит «через розовые очки» и очень эмоционально реагирует на все, что ему нравится, не замечая того, что в других ситуациях вызывает у него неприязнь или даже отвращение. Естественно, наиболее интенсивно это проявляется в том случае, если рядом с ним оказывается объект его обожания. Поэтому следует просто акцептировать наличие таких филонимов и удивиться фантазии и силе воображения влюбленных, для которых даже физиологические подробности деятельности организма получают определения с наивысшей степенью положительной оценки: *Honigpupschen* ‘милый медовый пук’, *Schatzipupsi* ‘драгоценный пук’. Ведь важно, что такие слова выполняют свою главную – эмотивную – функцию и выражают ласку, нежность, симпатию по отношению к именуемому, а их внутренняя форма становится практически не востребуемой (как и в филонимах, акцентирующих отрицательно оцениваемые «нормальными» людьми особенности внешности и характера: *Dickerchen* ‘толстячок’, *Flusspferd* ‘бегемот’).

В заключение следует сказать о группе филонимов, не поддающейся классификации, словах с индивидуальной историей. Степень оригинальности при придумывании индивидуальных филонимов различна и зависит от словотворческих способностей и умений именуемого. Здесь встречаются как непроемные слова, так и слова, образованные при помощи суффиксов или словосложения: *Schadibu*, *Schmüderli*, *Fui*, *Pip*, *Bobole*, *Nanu*, *Ladli*, *Mimeli*, *Sputz*, *Glogu*, *Knutschiwutschi*, *Knuddelmuddel* / *-wuddel*, *Knuffelpuffel*, *Utzibutzi* и т. п. Расшифровать эти слова невозможно, они бессмысленны. Данные лексические единицы возникают *ex nihilo* и являются, возможно, результатом сильного эмоционального возбуждения именуемого, который не удовлетворяется сравнением любимого человека с милым животным, ангелом или золотым слитком. Вербальная любовь облекается в этом случае в форму некоторого ряда звуков, которое нам напоминает общение с детьми («сюсюканье»). Либо новое имя дается ситуативно с опорой на какой-то известный только влюбленным факт, остающийся тайной для окружающих. Примером такого тайного филонима могут служить: *Taf-Taf* – акроним восторженного *die tollste aller Frauen* ‘самая великолепная женщина’ или *LoWu* – аббревиатура филонима *Lockenwürmchen* ‘червячок с кудрями’.

Вышеизложенное показывает, что филонимы представляют собой специфический элемент частного языкового кода влюбленных, они являются символами любви и интимности. Основанием для их появления являются эротические переживания, связанные с сексуальным влечением, благожелательность и забота по отношению к партнеру, нежная романтичность и благоговение, восхищение и самозабвенное любование партнером. Являясь

своего рода золотыми ключами к миру, где существуют только двое и где все пропитано неповторимой атмосферой и уникальными ритуалами, филонимы облекаются в необыкновенно трогательные формы, понятные и приятные близкому человеку, но не имеющие ничего общего с логикой: любое слово, даже с самой негативной семантикой, сказанное с нежностью и придыханием, способно трансформировать свое значение в его полную противоположность: из оскорбления в ласкательное имя (ср. *Schwein* ‘свинья’ и *Schweinchen* ‘свинка’), «обескураживая» классическую теорию метафоры своей незакономерностью. При их создании используется все богатство словотворческого потенциала языка, приводятся в действие механизмы создания метафорических и метонимических образов, которые «украшаются» специфическими словообразовательными элементами и соединяются в многочисленные композиты для повышения степени эмоционального воздействия на адресата. Так, незелегантный на первый взгляд элемент словаря влюбленных («телячьи» нежности) в определенных коммуникативных условиях становится очаровательным, игривым и оригинальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт, Р.* Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт. — М. : Ad Marginem, 1999. — 215 с.
2. *Эпштейн, М.* Любовные имена. Введение в эротонику / М. Эпштейн // Октябрь. — № 7. — 2006. — С. 153–173.
3. *Leisi, E.* Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung / A. Leisi. — Heidelberg : Quelle und Meyer, 1978. — 167 S.
4. *Schneider, M.* Liebe und Betrug : Die Sprachen des Verlangens / M. Schneider. — München/Wien : Carl Hansen, 1992. — 500 S.
5. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М. : Языки слав. культуры, 1995. — Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. — 767 с.
6. *Воркачев, С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — М. : Гнозис, 2007. — 284 с.
7. *Hedrick, C.* A Theory and Method of Love / C. Hedrick, S. Hendrick // Journal of personality and social psychology. — 1986. — Vol. 30. — Nr. 2. — P. 392–402.
8. *Шаховский, В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. — Воронеж : ВГУ, 1987. — 192 с.

Нэлла Аркадьевна Трофимова

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого языка
Санкт-Петербургского государственного университета;
профессор департамента иностранных языков
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Nella A. Trofimova

PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the German Language;
at St. Petersburg State University; Professor of Foreign Language
Department at the National Research University
“Higher School of Economics”